

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673022040022

EDN: OZUWBC

Политика и стратегия США, РФ и КНР на Ближнем Востоке

В.И. Батюк

Институт США и Канады РАН,

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1838-8616> e-mail: ctas@inbox.ru

Ю.В. Морозов

Институт США и Канады РАН,

Российская Федерация 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3.

Институт Дальнего Востока РАН,

Российская Федерация 117997 Москва, Нахимовский пр-т, 32.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2047-6420> e-mail: morozovyury51@yandex.ru

---

Резюме. «Треугольник» США – Китай – Россия, сформировавшийся ещё в годы холодной войны 1945–1991 гг., по-прежнему оказывает огромное влияние на современную мировую политику. И баланс сил в рамках этого «треугольника» определялся и будет определяться способностью Вашингтона, Москвы и Пекина продвигать свои интересы в различных регионах планеты. Одним из важнейших этих регионов был, есть и будет Ближний Восток, где сталкиваются экономические, геостратегические и идеологические интересы ведущих центров силы в современном мире.

Ключевые слова: «Треугольник», военно-политическая стратегия, баланс сил, экономические интересы, Ближний Восток

Для цитирования: Батюк В.И., Морозов Ю.В. Политика и стратегия США, РФ и КНР на Ближнем Востоке. *США & Канада: экономика, политика, культура* 2022; 52 (4): 25-43. DOI: 10.31857/S2686673022040022

Politics and Strategy of U.S., RF and China in the Middle East

Vladimir I. Batyuk

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences,

2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation;

ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1838-8616> e-mail: ctas@inbox.ru

Yuri V. Morozov

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences.

2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation;

Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences,

32 Nakhimovsky Ave., Moscow, 117907 Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2047-6420> e-mail: morozovyury51@yandex.ru

---

Abstract. The "triangle" of America – China – Russia formed during the Cold War of 1945-1991 still has a huge impact on modern world politics. And the balance of power within this "triangle" has been determined and will be determined by the ability of Washington, Moscow and Beijing to promote their interests in various regions of the planet. Of course, one of the most important of these regions was, is and will be the Middle East, where the economic, geostrategic and ideological interests of the leading centers of power in the modern world collide.

Keywords: "Triangle", military-political strategy, balance of power, economic interests, the Middle East

For citation: Batyuk V.I., Morozov Yu.V. *Politics and Strategy of U.S., RF and China in the Middle East USA & Canada: Economics, Politics, Culture* 2022; 52 (4) 25-43.

DOI: 10.31857/S2686673022040022

ВВЕДЕНИЕ

Политика великих держав – США, РФ, и КНР – на Ближнем Востоке остаётся в центре внимания экспертного сообщества как в России, так и за рубежом. Так, события в Афганистане весной-летом 2021 г. по понятным причинам вызвали живейший интерес у американской политико-академической элиты. По мнению одного из авторитетнейших американских экспертов-международников У. Мида [8], никто – ни друзья, ни противники США – не ожидали такого стремительного краха проамериканского афганского правящего режима в результате вывода американских войск из Афганистана. Отсюда вопрос: а способен ли вообще американский правящий класс проводить последовательную и эффективную внешнюю политику в регионе Ближнего и Среднего Востока? Мимо внимания американских экспертов не прошли последствия афганского провала и для идеологии американской внешней политики. По мнению профессора университета Дж. Хопкинса Я. Мунка, уход из Афганистана имел катастрофические последствия для доверия к Западу, чьи обещания отстаивать безопасность союзников, которым угрожают авторитарные конкуренты, такие как Россия и Китай, теперь будут звучать ещё более лживо [Mounk J. 2021]. В целом американские эксперты-международники полагают, что поражение США в Афганистане будет иметь далеко идущие последствия для американской военно-политической стратегии на Ближнем и Среднем Востоке.

Среди российских специалистов по Ближнему Востоку широко распространена точка зрения, что постепенное ослабление американских позиций в регионе – это долгосрочный тренд, и он берёт начало задолго до трагических событий в Афганистане 2021 г. Так, научные сотрудники МГИМО МИД РФ О.И. Ребро и М.А. Сучков напоминают, что ещё президент Б. Обама провозгласил курс на «разворот к Азии» – политику постепенного переноса внешнеполитических ресурсов в Азиатско-Тихоокеанский (Индо-Тихоокеанский) регион при сокращении американского присутствия на Ближнем Востоке и в Европе. Этот курс продолжил Д. Трамп [Ребро О.И., Сучков М.А. 2021: 23].

В коллективной монографии сотрудников ИМЭМО, соавторами которой являются такие выдающиеся востоковеды, как В.В. Наумкин, В.А. Кузнецов и И.Д. Звягельская, отмечается, что тренд на демократизацию «Большого Ближнего Востока» по американскому образцу в значительной степени маргинализировался. На волне роста антиамериканских настроений в регионе и отождествления политики США с катастрофическими по своим последствиям военной кампанией в Ираке «продвижение демократии» становится всё менее заметным в стратегическом планировании официального Вашингтона [Ближний Восток: Политика и идентичность. 2020: 287].

Американские и российские эксперты едины в том, что позиции США на Ближнем Востоке постепенно слабеют и это долгосрочный тренд. Одновременно с этим в последние годы в регионе крепнут позиции РФ и КНР. Российский исследователь В.И. Бартенев констатирует, что Российская Федерация в 2010-е годы осуществила стремительное и достаточно эффективное возвращение на Ближний Восток, хотя пока она применяет инструменты международной помощи в несравненно меньших масштабах, чем США, страны ЕС, Турция или монархии Персидского Залива. [Бартенев В.И. 2020: 106]. По мнению старшего научного сотрудника Института востоковедения РАН Р. Мамедова, сокращение американского присутствия на Ближнем Востоке совпало со всё большим вовлечением России и Китая в происходящие в регионе там процессы. В этой связи Р. Мамедов обращает внимание на тот факт, что в последние годы КНР стала главным инвестором для стран региона, обойдя по этому показателю Соединённые Штаты [Мамедов Р. 2018].

АМЕРИКАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ В БЛИЖНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ

И российские, и зарубежные эксперты по Ближнему Востоку делают однозначный вывод о снижении здесь в последние годы политических обязательств Соединённых Штатов. Сменявшие друг друга администрации Б.Обамы, Д. Трампа и Дж. Байдена, при всех партийно-политических разногласиях и личной неприязни этих президентов США, вынуждены, тем не менее, проводить ближневосточную политику, отличающуюся достаточно высокой степенью преемственности в вопросе о необходимости ограничения американского военного присутствия на Ближнем Востоке. К примеру, за последние 12 лет США вывели свои вооружённые силы из Афганистана, свели к минимуму своё присутствие в Ираке и Сирии. Вашингтон также отверг идею о прямом американском вооружённом вмешательстве в сирийский и йеменский конфликты.

Ещё важнее: в последнее время американское руководство предпринимало попытки дать идейное обоснование сокращению американского присутствия и в Ближневосточном регионе, и в мире в целом. Идея Д. Трампа «сделать Америку снова великой» и концепция Дж. Байдена о «внешней политике для среднего класса» предусматривают прекращение или, во всяком случае, сокращение до

минимума американского вооружённого вмешательства в дела Ближнего Востока [Mounk J. 2021]. Выступая в связи с выводом американских войск из Афганистана, Дж. Байден заявил, что США отказываются от бесконечных войн во имя «нациестроительства» и «расширения демократии». Вместо этого, по словам американского президента, Соединённые Штаты должны сосредоточить усилия на том, чтобы противостоять своим «истинным стратегическим конкурентам» – Китаю и России [6].

Теперь, когда задача нести свободу народам Ближнего Востока посредством «гуманитарных интервенций» более не выглядит актуальной, Вашингтон может уделить больше внимания другим проблемам и вызовам, с которыми США сталкиваются в данном регионе. И здесь также уместно обратить внимание на преемственность американской ближневосточной политики: ещё в директивных документах администрации Д. Трампа Россия и Китай были названы главными противниками Америки, в том числе и на Ближнем Востоке. При всём критицизме в отношении политики предшественницы, байденовская администрация придерживается тех же подходов. Так, в «Стратегии национальной безопасности», утверждённой президентом Д. Трампом в декабре 2017 г. (СНБ-2017), утверждалось: «Китай и Россия хотят сформировать мир, противоположный ценностям и интересам США. Китай стремится вытеснить Соединённые Штаты из Индо-Тихоокеанского региона, расширить масштабы своей государственной экономической модели и перестроить регион в свою пользу. Россия стремится восстановить свой статус великой державы и установить сферы влияния вблизи своих границ» [5: 25]. В принципе то же самое утверждает и во «Временном стратегическом руководстве по национальной безопасности», подписанном президентом Дж. Байденом в начале марта 2021 г.: «Китай <...> стал более напористым. Это – единственный конкурент, потенциально способный объединить свою экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь для того, чтобы бросить вызов стабильной и открытой международной системе. Россия по-прежнему полна решимости усилить своё глобальное влияние и играть разрушительную роль на мировой арене. И Пекин, и Москва предприняли значительные усилия, направленные на то, чтобы <...> помешать нам защищать наши интересы и союзников по всему миру» [4: 8].

Свою озабоченность по поводу активного проникновения Китая и России в Ближневосточный регион высказывают и американские военные. Так, выступая перед сенатским Комитетом по делам вооружённых сил, командующий Центральным командованием (ЦЕНТКОМ) ВС США генерал К. Маккензи обратил внимание на активное экономическое проникновение КНР в регион Ближнего и Среднего Востока, в том числе и в рамках китайской инициативы «Один пояс – один путь». Особую тревогу у генерала вызвало недавнее ирано-китайское соглашение об экономическом сотрудничестве сроком на 25 лет, в рамках которого Китай будет инвестировать в экономику и инфраструктуру ИРИ в обмен на

скидки на иранскую нефть. Соглашение предполагает сотрудничество этих двух стран и в военной сфере, что не может не подрывать американские позиции на иранском направлении.

Прямым вызовом Соединённым Штатам, по словам генерала, является присутствие в Сирии России, которая стремится подрывать военно-политические позиции США в регионе. В непосредственной близости от американских вооружённых сил, заявил он, Москва получила на только незамерзающую базу в Тартусе для своего военно-морского флота, но и испытательный полигон для тестирования новых возможностей, технологий и оборудования пятого поколения, используемых для радиоэлектронной борьбы, ПРО, БЛА и информационных операций. Более того, Россия и впредь будет позиционировать себя в качестве альтернативы Западу, предлагая своё посредничество и военный опыт в региональных конфликтах, продавая оружие без ограничений на конечное использование, участвуя в региональных и многосторонних организациях и военных учениях. При этом в некоторых районах зоны ответственности ЦЕНТКОМ (например, в Центральной Азии) Россия и Китай, считает генерал Маккензи, уже имеют более сильные экономические и военно-политические позиции, чем Соединённые Штаты. Командующий ЦЕНТКОМ рекомендует США усилить конкуренцию с Москвой и Пекином за влияние в Центральной Азии, предложив странам субрегиона американскую помощь в обеспечении безопасности границ, борьбе с наркотиками, борьбе с терроризмом и создании оборонных институтов [7: 15–16].

Однако эти оптимистические расчёты на подрыв влияния РФ и КНР были сделаны ещё до начала вывода американских войск из Афганистана. Весной 2021 г. в Вашингтоне рассчитывали на то, что режим афганского президента А. Гани продержится 1–2 года после того, как американские военные покинут страну [9].

Всё, однако, пошло совсем не так. Афганская катастрофа уже сказалась на позициях Соединённых Штатов Америки в Ближневосточном регионе и в мире. Одним из немедленных последствий этой катастрофы стали решения саммита ШОС (Душанбе, сентябрь 2021 г.) о начале процедуры приёма Ирана в эту организацию. Это – сильнейший удар по американской политике изоляции Ирана на международной арене.

Одновременно со снижением военно-политического влияния США в Ближневосточном регионе происходит и экономическая «расстыковка» Соединённых Штатов и ближневосточных государств. «Сланцевая революция» позволила США стать мировым лидером по производству нефти, резко снизив тем самым их зависимость от поставок нефти с Ближнего Востока. Нарастив собственную нефтедобычу, Соединённые Штаты существенно сократили импорт нефти с Ближнего Востока. Если в 2000 г. доля ближневосточной нефти в американском нефтяном импорте составляла 22,7%, то в 2020 г. – 9,8% [10].

В настоящее время зависимость американской экономики от ситуации с нефтедобычей в странах Ближнего Востока совсем не та, что была ещё два десяти-

тилетия назад, и это не может не сказываться на американской политике в регионе. В СНБ-2017 в разделе, посвящённом Ближнему Востоку, было много сказано об угрозе со стороны радикального исламизма, об иранской угрозе, но ничего не говорилось о перспективах экономического сотрудничества США со странами региона (при этом была отмечена «экономическая стагнация» и необходимость проведения реформ в ближневосточных государствах) [5: 48–50].

Соответственно, во «Временном стратегическом руководстве по национальной безопасности» администрации Дж. Байдена указывались и «железная» американская поддержка Израиля, и противостояние «иранской агрессии», и стремление «разрешить вооружённые конфликты» в регионе, но ни слова об экономическом сотрудничестве со странами Ближнего Востока. Очевидно, что и у американских правящих кругов, и у американского делового сообщества в настоящее время имеются иные внешнеэкономические приоритеты.

Таким образом, в настоящее время Соединённые Штаты уступили свой статус главного торгового партнёра Китаю и, судя по всему, в политическом и деловом сообществах страны это обстоятельство не рассматривается как серьёзный вызов национальным интересам. В то же время они не могут себе позволить забыть о существовании Ближнего Востока: из региона по-прежнему исходит террористическая угроза.

В качестве главной угрозы американским интересам, интересам партнёров и союзников Соединённых Штатов в Ближневосточном регионе, по словам генерала Маккензи, рассматривается Иран. Второе направление усилий ЦЕНТКОМА – действующие в регионе террористические группировки (такие как «Аль-Каида», ИГИЛ и др.). На третьем месте среди вызовов безопасности США на Ближнем Востоке находится, по американским оценкам, долгосрочная стратегическая конкуренция с Китаем в сочетании с противодействием России: «эти государства, каждое из которых преследует свои собственные интересы, используют разные подходы. Россия играет роль помехи для США, используя военные средства, операции по оказанию влияния и деятельность в серой зоне <...>. Китай употребляет преимущественно экономические средства для <...> обеспечения жизненно важных маршрутов поставок энергии и торговли» [7: 4-5].

ПОЛИТИКА И СТРАТЕГИЯ РОССИИ В РЕГИОНЕ

Благодаря активной внешней политике России на Ближнем Востоке ей удалось вернуться в кратчайший исторический период на глобальную арену в качестве одного из ведущих здесь игроков и завоевать авторитет ближневосточных государств. Для этого Москва активно использовала набор дипломатических, военных и иных методов.

В доктринальных документах Российской Федерации отмечается важность Ближневосточного региона для её внешней политики. Так, в Концепции внешней политики РФ, утверждённой президентом 30 ноября 2016 г., говорится, что

«Россия продолжит вносить весомый вклад в стабилизацию обстановки в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, поддерживать коллективные усилия, направленные на нейтрализацию угроз, исходящих от международных террористических группировок, проводить последовательный курс на политико-дипломатическое урегулирование конфликтов в государствах этого региона на основе уважения их суверенитета и территориальной целостности, права самим определять свою судьбу без вмешательства извне. В качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН и участника ближневосточного «квартета» международных посредников Россия продолжит прилагать усилия, направленные на достижение на международно-правовой основе всеобъемлющего, справедливого, долгосрочного урегулирования арабо-израильского конфликта во всех его аспектах» [2].

В соответствии с этими установками в конце января 2020 г. глава МИД РФ С. Лавров на заседании СБ ООН предложил провести министерскую встречу по ближневосточному урегулированию с участием Израиля и Палестины. При этом он отметил, что на это заседание необходимо пригласить и Саудовскую Аравию как автора арабской мирной инициативы. Иными словами, основная цель Москвы на Ближнем Востоке в ближайшей перспективе – закрепить за Россией роль значимой внешней силы в одном из самых нестабильных регионов мира.

Заместитель директора департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД РФ А. Скосырев, выступая на площадке клуба «Валдай» в феврале 2021 г., отметил, что «Россия исходит из необходимости содействия урегулированию всех конфликтов на пространстве Ближнего Востока исключительно политико-дипломатическими методами через конструктивный диалог без дискриминации отдельных сторон, также под эгидой ООН и с привлечением ключевых региональных организаций, прежде всего ЛАГ и Организации исламского сотрудничества. Второй задачей России является недопущение на Ближнем Востоке возникновения новых опасных военных кризисов. Третьей задачей является превращение Ближнего Востока в регион мира, добрососедства, взаимовыгодного сотрудничества» [1].

Кроме того, Россия энергично развивает многоплановое взаимодействие с государствами региона в экономической и гуманитарной сферах, в военно-техническом сотрудничестве и в других областях взаимодействия на принципах взаимного учёта интересов, уважения и доверия. Важной задачей остаётся борьба с активно действующими на Ближнем Востоке террористическими группировками.

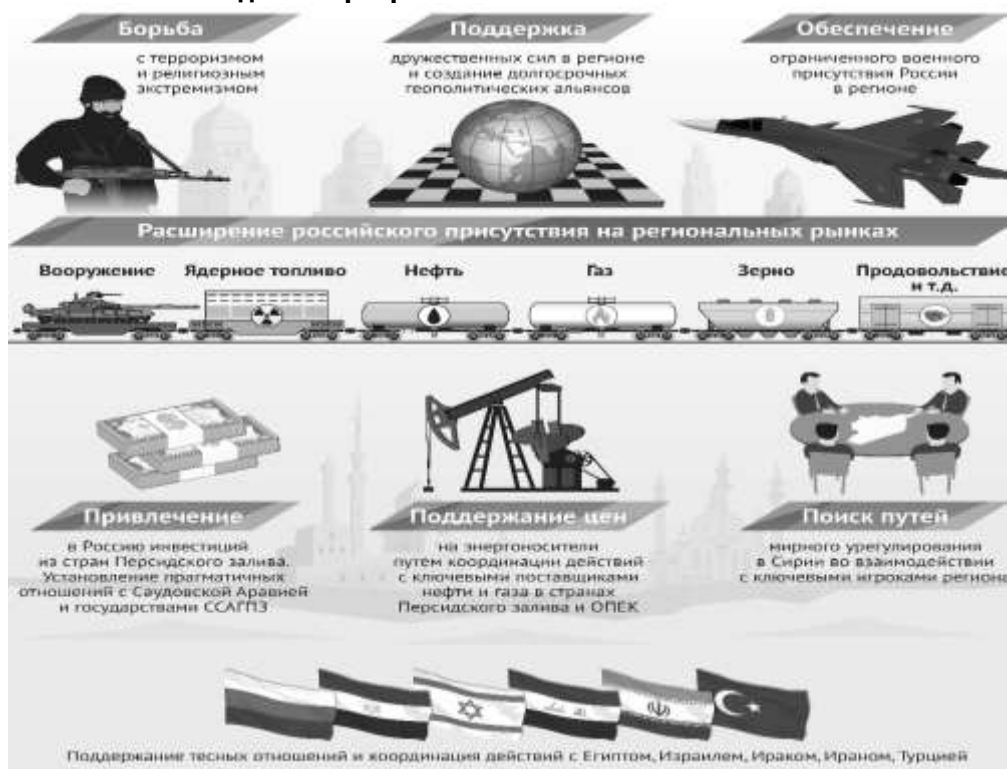
Что касается торгово-экономического сотрудничества со странами Ближнего Востока, то перед РФ стоят задачи расширить её присутствие на региональных рынках вооружений, ядерного топлива, нефти и газа, продовольствия, привлечь инвестиции из стран Персидского залива и поддерживать цены на энергоносители путём координации действий с ключевыми поставщиками нефти и газа в этих странах, входящих в ОПЕК.

Уже сейчас Россия является основным экспортёром зерна в Египет и одним из крупнейших поставщиков оборонной продукции в регион. Так, по данным СИПРИ на долю России пришлось 11% всех вооружений, которые были импортированы странами Ближнего Востока с 2015 по 2019 г. [11: 355-356].

Кроме того, «Росатом» строит для Турции АЭС «Аккую», имеются у него проекты и в Иордании. В Ираке активно работает российская нефтяная компания «Лукойл». Следовательно, политика и стратегия Москвы на Ближнем Востоке строится на учёте геополитических и экономических интересов России и на стимулах, способствующих их реализации, о чём красноречиво свидетельствуют иллюстративные данные (см. рис.).

Рисунок

Основные задачи и приоритеты политики РФ на Ближнем Востоке

Международный дискуссионный клуб «Валдай». Основные задачи и приоритеты политики России на Ближнем Востоке. 19.02.2018. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/multimedia/infographics/politiki-rossii-blizhniy-vostok/> (accessed 15.08.2021).

В контексте событий, происходящих в регионе, важное значение для Москвы имеет и фактор внутренней стабильности России с учётом того, что 12% населения страны исповедуют ислам (в основном жители Чечни, Дагестана, Татарстана и Башкортостана). При этом в РФ имеется значительное количество трудовых ми-

грантов из Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Азербайджана [Тренин Д. 2016]. К этому следует добавить, что, если боевики «Галибана», захватившие власть в Афганистане в августе 2021 г., вторгнутся на территорию центральноазиатских стран, то волна беженцев оттуда может захлестнуть Россию, в связи с чем в её регионах с преимущественно неисламским населением будет постепенно расти число мусульман. Вот почему ближневосточную политику России также необходимо рассматривать через взаимоотношения Москвы с исламским сообществом.

Во время Второй чеченской кампании (1999–2009 гг.) произошёл первый период сближения России с исламским миром. Именно к этому периоду относится выступление В.В. Путина на саммите Организации исламского сотрудничества и получение РФ статуса наблюдателя в этой структуре. Второй этап такого сближения происходит сегодня. Его важнейшим промежуточным итогом стало укрепление позиций России в Сирийской Арабской Республике. Это позволило Москве запустить формат переговоров в Астане с Ираном и Турцией и вывести на новый этап взаимодействия свои отношения с Саудовской Аравией, Египтом и ОАЭ, которые заинтересованы в стабилизации обстановки в регионе [12].

При этом военная политика Москвы в Сирии существенно увеличила военно-стратегический вес России на Ближнем Востоке, ибо она напрямую вмешалась в конфликт, когда возникла угроза свержения Б. Асада и перехода Дамаска под контроль «Исламского государства» (ИГИЛ). Победа исламских экстремистов в этой стране могла бы привести к серьёзному усилению их поддержки во всём исламском мире, в том числе в Центральноазиатском регионе и среди мусульманского населения России. Поэтому Москва применила в Сирии разумную, но в то же время рискованную стратегию. ВС РФ впервые с окончания Второй мировой войны вели боевые действия за рубежом, главным образом с моря и с воздуха, и совместно с Турцией и Ираном помогали Дамаску справиться с сепаратистами, превратив тем самым Сирию в геополитический оплот РФ в регионе. Москве удалось договориться с Анкарой и Тегераном об их совместных действиях в этой стране. Свидетельство тому – переговоры в 2020 г. в Сочи В. Путина с Р. Эрдоганом и Х. Рухани. На ней лидеры трёх государств обсудили ситуацию на Ближнем Востоке, в результате чего президент РФ заявил, что войну в Сирии можно считать фактически завершённой [13]. На первый взгляд казалось, что на сочинских переговорах царил единодушие, но на самом деле каждый из участников разыгрывал свою «ближневосточную карту». Например, российский президент отстаивал интересы РФ по двум направлениям: в Сирии будут созданы две российские военные базы и российские компании получают привилегии в этой стране, в связи с чем Россия будет и впредь активно поддерживать сирийское правительство. Президент РФ также считает, что окончательное урегулирование ситуации в Сирии должно быть найдено в рамках Женевского процесса в соответствии с резолюцией СБ ООН 2254, что означает проведение в стране конституционной реформы и свободных выборов под эгидой

ООН при сохранении территориальной целостности и светского характера государства.

Огромную роль в дальнейшем укреплении российско-сирийских связей должно сыграть развитие торгово-экономических связей между двумя странами. Так, в результате визита вице-премьера РФ Ю.И. Борисова и министра иностранных дел С.В. Лаврова в Сирию в сентябре 2020 г. Россия открыла новую страницу в отношениях с Сирией. На первый план в этих отношениях выходит экономика. Оба российских гостя отметили, что эффективное экономическое взаимодействие будет наладить непросто из-за западных санкций, но, подчеркнул Ю.И. Борисов, Москва и Дамаск попытаются совместными усилиями прорвать блокаду Сирии [14].

Бесспорным успехом российской дипломатии является налаживание сотрудничества с Турцией и Ираном по сирийскому вопросу. Первоначально Турция занимала в сирийском конфликте противоположную России позицию. Анкара поддерживала одну из крупнейших вооружённых группировок в Сирии – Сирийскую свободную армию и только после значительных успехов ВС РФ при ведении ими боевых действий пошла на сотрудничество с Москвой (в настоящее время на севере Сирии ведётся успешное совместное российско-турецкое военное патрулирование линии разграничения конфликтующих сторон). При этом президент Турции Р. Эрдоган выступает категорически против создания в Сирии какой-либо курдской автономии, ибо успех сирийских курдов может придать дополнительный импульс борьбе этого этнического меньшинства в Турции. Поэтому основная цель Анкары в Сирии – образование буферной зоны на её севере, чтобы не допустить реализации там курдского проекта. Это позволит Анкаре разорвать связи между курдами Сирии и Турции, обеспечить заселение на территории созданной в приграничной полосе «зоны безопасности» сирийских беженцев – в основном арабов-суннитов.

Что касается иранского руководства, то оно с самого начала сирийского конфликта решительно поддерживало правительство Б. Асада. Эта поддержка включает в себя не только доставку в Сирию вооружений и военной техники (ВВТ), но и обучение сирийских военнослужащих, и обмен разведывательными данными между военными ведомствами обеих стран, а Корпус стражей исламской революции Ирана нёс основную нагрузку при ведении наземных операций в Сирии. Помимо этого, Тегеран координирует свою политику по Сирии с Москвой в рамках астанинского процесса.

И в России, и в Иране отдают себе отчёт в том, что наметившееся их военно-политическое сближение должно быть дополнено экономическим сотрудничеством. Визит президента Ирана Э. Раиси в Москву в январе 2022 г. стал свидетельством готовности сторон открыть новую страницу в российско-иранских отношениях. В 2021 г. двусторонний товарооборот достиг рекордных показателей в

3,3 млрд долл. и, по словам иранского президента, в ближайшие годы российско-иранская торговля может выйти на уровень в 10 млрд долларов [15].

Поэтому отнюдь не случайно в сентябре 2021 г. при содействии России на 20-м саммите ШОС было принято решение о приёме Ирана в члены организации. В этой связи многие эксперты высказывают мнение, что в перспективе Иран станет больше фокусировать своё внимание на восточном направлении. Речь в первую очередь идёт об изменении акцентов Тегерана в его геополитике на Ближнем Востоке и появлении новых граней сотрудничества со странами региона в торгово-экономической сфере, в области энергетики, транспорта, банковской сферы, а также в области региональной безопасности. Важно и то, что постоянное членство Ирана в ШОС будет серьёзной защитой в случае военной интервенции со стороны США, ибо членство в ШОС увеличивает геополитический вес Ирана за счёт постоянных членов СБ ООН – РФ и КНР.

На саммите ШОС в сентябре 2021 г. президент РФ приветствовал предоставление ведущим государствам Ближнего Востока – Египту, Катару и Саудовской Аравии статуса «диалоговых партнёров ШОС» [16]. При проведении Москвой в отношении этих стран гибкой политики и стратегии они в перспективе могут сформировать «пояс ближневосточных союзников» России, при условии, что она не будет повторять свои ошибки в отношении «старых друзей», в частности Ирака, который прежде входил в орбиту советского влияния, а теперь находится под влиянием США.

В связи с указанными обстоятельствами Москве в ближайшей перспективе было бы целесообразно уточнить некоторые элементы российской ближневосточной политики и стратегии. Одновременно российским властям необходимо бдительно следить за попытками Вашингтона вбить клин в успешное развитие российских отношений с государствами региона.

РОСТ ВЛИЯНИЯ КИТАЯ В РЕГИОНЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ

Ближневосточная политика КНР определяется китайской концепцией, изложенной в документе «Международное сотрудничество Китая в целях развития в новую эпоху», опубликованном информационным офисом Госсовета КНР в январе 2021 г. Несмотря на огромные экономические успехи за последние 70 лет, Китай остаётся развивающейся экономикой, и его сотрудничество в целях развития – форма взаимной помощи между развивающимися странами. Это взаимодействие с ближневосточными странами осуществляется в рамках концепции «Один пояс – один путь» [3].

Что касается китайской стратегии «двойной циркуляции», то вряд ли она скажется на реализации концепции «Один пояс – один путь» на Ближнем Востоке. Дело в том, что эту стратегию следует рассматривать в контексте глобальных планов КНР по снижению её торгово-экономической и технологической зависимости от стран Запада и мировых производственных цепочек [Кулин-

цев Ю. 2021], но она не находится в технологической зависимости от ближневосточных государств, и поэтому вряд ли «двойная циркуляция» скажется на характере торгово-экономических связей между Китаем и странами региона.

В отличие от России Китай предпочитает напрямую не вмешиваться своей военной силой в существующие региональные конфликты, что соответствует его подходу к проблемам Ближнего Востока, базирующемуся на постулате проведения «мягкой» внешней политики. Благодаря этому влияние Китая в регионе быстро растёт по сравнению с США, эффективность действий которых по разрешению ближневосточных кризисов всё чаще ставится под сомнение их региональными союзниками. Пекин установил хорошие партнёрские отношения почти со всеми странами Персидского залива, кроме Бахрейна, и является крупнейшим иностранным инвестором в регионе. Сегодня общий объём китайских инвестиций в странах Ближнего Востока составляет 177 млрд долл., включая 70 млрд в экономику стран – членов Совета сотрудничества стран Персидского залива [17]. При этом большая часть инвестиций направлена традиционным союзникам США, многие из которых являются активными покупателями китайского ВВТ. КНР также вкладывает значительные средства в коммерческие порты, которые можно легко превратить в военно-морские объекты в других стратегически важных точках региона, включая пакистанский Гвадар и оманский порт Дукм в Оманском проливе. Кроме того, Китай считает Малаккский и Баб-эль-Мандебский проливы критически важными для своего экономического выживания, поскольку большая часть китайского импорта энергоресурсов доставляется через эти проливы. По мере того, как китайско-американские отношения ухудшаются, Пекин стремится усилить контроль над этими водными путями и уменьшить способности ВМФ США блокировать их. Это основная причина, по которой Китай совершенствует свой военно-морской флот, а в Джибути была создана китайская военная база [Андерлини Д. 2020].

Помимо этого, с 2010 г. произошёл положительный сдвиг и в израильско-китайских отношениях в сторону сотрудничества: Израилю было разрешено установить свой павильон на Экспо-2010 в Шанхае, затем последовали сделки между этими странами, что позволило китайским компаниям реализовать ряд проектов в области развития инфраструктуры Израиля, включая железные дороги до Эйлата, Ашдода, в Акко, и по развитию порта Ашдод, одновременно увеличился приток китайских инвестиций в израильский технологический сектор. В результате в 2017 г. израильское правительство одобрило соглашение о доставке 20 тыс. рабочих из Китая в Израиль, а китайская «Шанхай интернэшнл порт груп» (*Shanghai International Port Group*) выиграла тендер на эксплуатацию порта Хайфа в течение 25 лет. Это вызвало серьёзные опасения в Вашингтоне относительно обеспечения безопасности сил 6-го флота ВМФ США, который базируется в этом порту. Одновременно Тель-Авив отклонил предложение Ва-

шингтона о проведении комплексной проверки порта Хайфы в связи с участием китайских компаний в его расширении [Китай и арабский мир... 2021].

Китай также является крупнейшим торговым и инвестиционным партнёром Египта – самой большой страны арабского мира. С января по сентябрь 2020 г. объём двусторонней торговли составил 10,2 млрд долл., что на 6,6% больше, чем в 2019 г. При этом прямые китайские инвестиции в Египет увеличились на 19%, а объём китайских инвестиций на внутреннем египетском рынке превысил 7 млрд долл. В ближайшее время, по словам египетского министра по инвестициям и международному сотрудничеству, Каир получит около 30 млрд долл. новых китайских инвестиций, из которых 20 млрд пойдут на строительство «Новой административной столицы» в китайской промышленной зоне в районе Суэцкого канала и на продолжение строительства высокоскоростной железной дороги, которая свяжет эту столицу со всеми египетскими городами. Помимо этого, Китаем было завершено строительство в Египте первой высоковольтной линии электропередач и совместной египетской лаборатории с Китайским институтом прикладных технологий [Китай и арабский мир... 2021].

Наряду с развитием сотрудничества с Израилем и Египтом китайская сторона заинтересована в сотрудничестве и с другими странами региона на принципе взаимной выгоды, особенно через их участие в реализации проекта «Один пояс – один путь». Этот проект будет играть существенную роль в расширении сотрудничества Китая с арабскими государствами в области инфраструктуры и в содействии торговле и инвестициям – в дополнение к ядерной энергии, космосу, новым источникам энергии, сельскому хозяйству и другим сферам [18].

Существует множество иных областей, связывающих Китай и ближневосточный мир, – широкая сеть экономических и торговых отношений, Суэцкий канал, другие морские пути и т.д. При этом КНР является крупнейшим импортёром ближневосточной нефти в мире, в связи с чем Китай увеличил свои инвестиции в нефтедобывающие страны и стал их главным торговым партнёром. К этому следует добавить, что в результате развития китайско-арабских отношений произошло значительное увеличение количества авиакомпаний, соединяющих эти страны (их показатели превысили 200 рейсов в месяц), перевозящих более одного миллиона пассажиров ежегодно, что способствует сотрудничеству арабских стран с КНР и притоку арабских туристов в Китай [19].

Помимо этого, хорошие отношения Пекина с правящими режимами мусульманских стран исключают моральную и материальную поддержку с их стороны китайского мусульманского уйгурского меньшинства. В совместных письмах в ООН Саудовская Аравия, Египет, Кувейт, Ирак и ОАЭ хвалили Пекин за его позицию и приветствовали подавление китайскими властями исламских сепаратистов в СУАР [20].

Тем не менее, при всех успехах своей политики на Ближнем Востоке, Китай в этом регионе сталкивается с рядом серьёзных проблем. Так, конфликтный потенциал Ближнего Востока объективно затрудняет реализацию там китайской

политики с учётом того, что воздействие «американского фактора» на события в регионе по-прежнему продолжает оставаться существенным. А санкции, введённые США и ЕС в отношении Ирана из-за ядерного спора, ограничили энергетическую политику Китая в регионе (хотя до этого Иран был третьим по величине поставщиком сырой нефти в Китай). И чтобы поддерживать экономические отношения с США и Евросоюзом, Китай был вынужден сократить импорт из Ирана. Помимо этого, из-за продолжающихся военных конфликтов в регионе китайские инвестиции в страны Ближнего Востока находятся под постоянной латентной угрозой. Свидетельство тому – действующие в регионе силы ИГИЛ, которые не только угрожают китайским нефтяным танкерам и транспортным каналам, чтобы дестабилизировать усилия КНР по налаживанию связей между Востоком и Западом, но и объявили китайскую провинцию Синьцзян частью своего халифата. Эти угрозы, исходящие от ИГИЛ в Ираке, вынудили многие китайские предприятия приостановить здесь свой бизнес. К этому следует добавить некоторые неэкономические факторы, особенно проблемы коррупции в тех арабских странах, которые наносят ущерб китайским инвесторам.

Существованию этих проблем частично способствует ближневосточная политика Пекина, которая строится на принципах невмешательства и нейтральности. В этой связи ряд международных экспертов считают, что Пекину целесообразно изменить эту слишком «мягкую» линию поведения в регионе, поскольку ситуация на Ближнем Востоке не предполагает такой пассивной политической позиции и не вполне соответствует статусу ведущей мировой державы, коей является КНР. Но, несмотря на указанные проблемы, сотрудничество между Китаем и странами Ближнего Востока продолжает зиждиться на прочной основе, Китай остаётся самым крупным потребителем ближневосточных энергоресурсов, спрос на которые продолжает расти. Китайские энергетические компании обладают опытом участия в проектах по развитию энергетики на Ближнем Востоке, особенно в нефтехимическом секторе. В свою очередь, и бизнесмены региона стремятся расширить свои рыночные доли в Китае. Осознавая эти взаимосвязи, Пекин активно взаимодействует с государствами Ближнего Востока с помощью традиционных методов кооперации, например, таких как Форум китайско-арабского сотрудничества. Параллельно с этим он стремится к созданию альтернативных международных организаций, как это произошло при создании БРИКС и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (основан в 2016 г.), в котором семь арабских стран участвовали в качестве членов-учредителей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, Соединённые Штаты постепенно утрачивают свои некогда доминирующие военно-политические позиции в Ближневосточном регионе. Они были вынуждены отказаться от насильственной «смены режимов». Американ-

ская ближневосточная стратегия находится в настоящее время в состоянии постепенной трансформации, и США вынуждены всё больше заниматься такими региональными противниками, как КНР, РФ, Иран, отказавшись в то же время от планов «демократизации» Ближнего Востока. В силу комплекса причин снижается также заинтересованность американских деловых кругов в экономическом сотрудничестве со странами региона.

Во-вторых, Россия, отстаивая свои интересы на Ближнем Востоке, прочно заняла место одного из самых значимых игроков в этом регионе, утраченное в эпоху коллапса СССР. При этом современная ближневосточная политика России определяется пониманием того, что проблемы, с которыми столкнулись государства региона, представляют для неё серьёзную угрозу. В этой связи Москва принимает активное участие в урегулировании региональных кризисов, став тем самым сильным внерегиональным игроком, способным оказывать воздействие на региональные проблемы не только силовыми, как в Сирии, но и дипломатическими методами. А её экономические связи со всеми значительными силами в регионе, а также рост доверия среди лидеров ближневосточных государств к президенту РФ В.В. Путину свидетельствуют об укреплении положительного имиджа России на Ближнем Востоке. Этому также способствовала успешно проведённая вооружёнными силами РФ военная операция в Сирии, что существенно увеличило их военно-стратегический вес в мире.

В-третьих, Китай последовательно расширяет влияние на Ближнем Востоке, используя для этого свою экономику, инвестиции и дипломатию, предпочитая не вмешиваться в существующие региональные конфликты. При этом Китай обладает серьёзными преимуществами на Ближнем Востоке, выступая предпочтительным партнёром для государств региона, учитывая возможности Пекина по предоставлению им кредитов и развитию экономического взаимодействия. А в Пекине рассматривают Ближневосточный регион как важную составляющую реализации глобального проекта «Один пояс, один путь», в рамках которого Китаю удалось наладить хорошие отношения со всеми ближневосточными странами, в связи с чем многие арабские страны рассматривают КНР не только как надёжного партнёра, но и как силу, способную уравновесить американское присутствие на Ближнем Востоке. Однако, несмотря на огромные усилия Китая по расширению своего присутствия в регионе, в ближайшей перспективе китайская сторона не сможет в полном объёме заменить США в качестве ключевого союзника для государств Персидского залива, которые по-прежнему нуждаются в американском «зонтике безопасности», защищающем от внешних и внутренних опасностей и угроз. Кроме того, расширение китайского присутствия в регионе сталкивается с проблемами, связанными с неурегулированными здесь военными конфликтами, которые негативно сказываются на национальных интересах КНР на Ближнем Востоке.

В-четвёртых, несмотря на наличие крупных разногласий между Вашингтоном, Москвой и Пекином, их конструктивное взаимодействие могло бы способ-

ствование решению ряда серьёзных проблем безопасности Ближневосточного региона [21]. Так, США – военный союзник Саудовской Аравии, Россия поддерживает интенсивные военно-технические связи с Ираном, а Китай является ключевым партнёром этих двух стран Персидского залива, от которых зависит безопасность и стабильность зоны этого региона.

Что касается китайско-российского взаимодействия на Ближнем Востоке, то перспективным направлением развития контактов Москвы и Пекина со странами региона могут стать площадки БРИКС и ШОС, что поможет КНР и РФ реализовывать совместные инициативы в регионе. Кроме того, по мнению российских экспертов, учитывающих сотрудничество по оси Китай – Иран – Россия, Москва и Пекин могли бы определить свои зоны ответственности как по вопросу восстановления Сирии (в сентябре 2021 г. Китай выразил намерение участвовать в восстановлении этой страны), так и по Ближнему Востоку в целом. Другим элементом российско-китайского сотрудничества может стать сопряжение Международного транспортного коридора «Север – Юг», формирующегося по маршруту Россия – Азербайджан – Иран с выходом на Индию, с китайской инициативой «Один пояс – один путь».

Как представляется, три великие державы – США, РФ и КНР – могли бы задействовать свои традиционные связи в регионе для укрепления безопасности Ближнего Востока.

ИСТОЧНИКИ

1. В МИД РФ назвали главную задачу России на Ближнем Востоке // *Известия*. 10 февраля 2021. Available at: <https://iz.ru/1123118/2021-02-10/v-mid-rf-nazvali-glavnuiu-zadachu-rossii-na-blizhnem-vostoke> (accessed 24.01.2022).

2. Концепция внешней политики Российской Федерации. Официальный сайт МИД РФ, 01.12.2016. Available at: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 ((accessed 21.02.2022).

3. China's International Development Cooperation in the New Era. The State Council Information Office of the People's Republic of China. January 2021. Available at: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202101/10/content_WS5ffa6bbbc6d0f72576943922.html (accessed 15.01.2022).

4. Interim National Security Strategic Guidance. March 2021. President Joseph R. Biden, Jr. – 23 p.

5. National Security Strategy of the United States of America. December 2017. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wpcontent/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 01.12.2022)

6. Remarks by President Biden on Afghanistan. August 16, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/08/16/remarks-by-president-biden-on-afghanistan/> (accessed 15.12.2021).

7. Posture statement of general Kenneth F. Mckenzie, jr., commander, U.S. Central command before the senate armed services committee 22 April 2021. – 23 p.

8. Mead W. 2021. The Deeper Crisis behind the Afghan Rout // *The Wall Street Journal*, August 23. Available at: <https://www.wsj.com/articles/afghan-rout-crisis-foreign-policy-forever-war-jihadist-taliban-biden-allies-moscow-beijing-1629750508> (accessed 10.11.2021).

9. Shear M., Sanger D., Cooper H., Schmitt E., Barnes J., and Jakes L. 2021. Miscue after Miscue, U.S. Exit Plan Unravels // *The New York Times*, August 21. P. 1. Available at: <https://www.nytimes.com/2021/08/21/us/politics/biden-taliban-afghanistan-kabul.html> (accessed 10.10.2021).

10. Sönnichsen N. Petroleum imports from the Persian Gulf as a share of total imports to the United States from 2000 to 2020. *Statista*. 02.04.2021 Available at: <https://www.statista.com/statistics/191254/percentage-of-us-petroleum-imports-from-persian-gulf-since-2000/> (accessed 12.02.2022).

11. Ежегодник СИПРИ 2020: вооружения, разоружение и международная безопасность. Пер. с англ. М.: ИМЭМО РАН, 2021, 916 с.

12. Мардасов А., Семенов К. Российская политика на Ближнем Востоке: ребалансировка // *Riddle Russia*. 19.08.2021 Available at: <https://www.ridl.io/ru/rossijskaja-politika-na-blizhnem-vostoke-rebalansirovka> (accessed 15.10.2021).

13. Дмитриев И. Постсочинский мир // *Версия*. 03.12.2017. Available at: <https://versia.ru/kak-rossiya-turciya-i-iran-budut-delit-siriyu> (accessed 15.10.2021).

14. Бельенькая М. Экономика должна быть просирийской. // *Коммерсантъ*. 07.09.2020. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4483025> (accessed 11.02.2022).

15. Поздняков А. США боятся влияния китайской модели на Ближний Восток. // *Maxpark*. 7 февраля 2022. Available at: <https://maxpark.com/community/8211/content/7549212> (accessed 21.02.2022).

16. Тарасов С. 2021. Приём Ирана в ШОС меняет геополитику на Ближнем Востоке. // *Regnum*. 18 сентября. Available at: <https://regnum.ru/news/polit/3373992.html> (accessed 12.01.2022).

17. Тренин Д. 2016. Россия на Ближнем Востоке: задачи, приоритеты, политические стимулы // Московский центр Карнеги. 21 апреля. Available at: <https://carnegie.ru/2016/04/21/ru-pub-63388> (accessed 10.10.2021).

18. The One Belt, One Road Strategy and China's Energy Policy in the Middle East] // *China Today*. 27.06.2021. Available at: <https://prc.today/bri-kitaya-na-blizhnem-vostoke-chast-2> (accessed 15.08.2021).

19. Последние два десятилетия КНР последовательно расширяет географию своих национальных интересов. 2021 // *Центр стратегических оценок и прогнозов*. 12-01-2021. Available at: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/416/osnovnye-napravleniya-blizhnevostochnoj-strategii-kitaya-9344> (accessed 28.11.2021).

20. Хаджич Я. Саудовская Аравия защищает: письмо в поддержку Китая // *Голос Ислама.ru* Информационно-аналитический портал. 22 июля 2018. Available at: <https://goloslama.com/news.php?id=36874> (accessed 05.12.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андерлини Д. 2020. Стратегия Китая на Ближнем Востоке. 18 сентября. Available at: <https://colonelcassad.livejournal.com/6177663.html> (accessed 10.09.2021).
- Бартенев В.И. 2020. Международная помощь странам Ближнего Востока и Северной Африки: управляя рисками. / РСМД. Доклад № 62/2020. – Москва.: НП РСМД, 116 с.
- Ближний Восток: Политика и идентичность. Под ред. И.Д. Звягельской. 2020. ИМЭМО РАН. Москва: Аспект Пресс, 336 с.
- Василенко П. Визит президента Ирана в Москву: стратегические колебания. РСМД. 28 января 2022. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vizit-prezidenta-irana-v-moskvu-strategicheskie-kolebaniya/> (accessed 11.02.2022).
- Китай и арабский мир. 2021. // Katehon. 12.04.2021. Available at: <https://katehon.com/ru/article/kitay-i-arabskiy-mir> (accessed 18.01.2022).
- Кулинцев Ю. 2021. Что означает и куда ведёт «двойная циркуляция» Китая? РСМД. 25 мая 2021. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/cto-oznachaet-i-kuda-vedet-dvoynaya-tsirkulyatsiya-kitaya/> (accessed 17.02.2022).
- Мамедов Р. 2018. Перспективы сотрудничества России и Китая на Ближнем Востоке. РСМД. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perspektivy-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya-na-blizhnem-vostokey/> (accessed 05.01.2021).
- Ребро О.И., Сучков М.А. 2021. «Рассеянная супердержава»: внешняя политика США в постбиполярном мире. *Международная аналитика*. № 3 (12).

REFERENCES

- Anderlini, D. 2020. Strategiaa Kitaia na Blizhnem Vostoke [China's Middle East Strategy] (In Russ.). September 18. Available at: <https://olonelcassad.livejournal.com/6177663.html> (accessed 10.09.2021).
- Bartenev, V. 2020. Mezhdunarodnaia pomoshch stranam Blizhnego Vostoka i Severnoi Afriki: upravlaia riskami [International assistance to the countries of the Middle East and North Africa: managing risks] (In Russ.) *Russian International Affairs Council*. Report № 62/2020. – Moscow. NP RIAC. 116 p.
- Kulintzev Yu. 2021. Chto oznachaet i kuda vedet «dvoinaia tsirkuliatsiia» Kitaia? [What does China's "double circulation" mean and where does it lead?] (In Russ.) RIAC, 25.05. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/cto-oznachaet-i-kuda-vedet-dvoynaya-tsirkulyatsiya-kitaya/> (accessed 17.02.2022).
- Mamedov R. 2018. Perspektivy sotrudnichestva Rossii i Kitaia na Blizhnem Vostoke [Prospects for Cooperation between Russia and China in the Middle East] (In Russ.) RIAC. June 29. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and->

comments/analytiks/perspektivy-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya-na-blizhnem-vostoke/ (accessed 05.01.2021).

Blizhnii Vostok: Politika i identichnost' [The Middle East: Politics and Identity] (In Russ.). Ed. by I.D. Zviagelskaya. 2020. Moscow. Aspect Press, 336 p.

Mounk J. 2021. So Much for a 'Foreign Policy for the Middle Class'. *The Atlantic*. August 17. Available at: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2021/08/afghanistan-foreign-policy-for-the-middle-class/619778/> (accessed 16.11.2021).

Rebro O., Suchkov M. 2021. «Rasseiannaia superderzhava»: vneshniaia politika SShA v postbipoliarnom mire [The "Scattered Superpower": U.S. foreign policy in the post-bipolar world] (In Russ.). *International Analytics*. № 3 (12).

Shear M., Sanger D., Cooper H., Schmitt E., Barnes J., and Jakes L. 2021. Miscue after Miscue, U.S. Exit Plan Unravels. *The New York Times*. August 21. Available at: <https://www.nytimes.com/2021/08/21/us/politics/biden-taliban-afghanistan-kabul.html> (accessed 10.10.2021).

Trenin D. 2016. Russia in the Middle East: Moscow's Objectives, Priorities, and Policy Drivers. *Carnegie Moscow Center*. Available at: <https://carnegiemoscow.org/2016/04/05/russia-in-middle-east-moscow-s-objectives-priorities-and-policy-drivers-pub-63244> (accessed 10.10.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

БАТЮК Владимир Игоревич, доктор исторических наук. Главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, Российская Федерация 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3.

МОРОЗОВ Юрий Васильевич, кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН.

Российская Федерация 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3.

Ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. Российская Федерация, 117997 Москва, Нахимовский пр-т, 32.

Vladimir I. BATYUK, Doctor of Sciences (History), Chief Researcher at the Institute for U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences. 2/3 Khlebny Lane, Moscow, 121069, Russian Federation;

MOROZOV Yuri Vasilyevich, Candidate of Sciences (Military), Leading Researcher at the Institute for U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences,

2/3 Khlebny per., Moscow, 121069 Russian Federation;

Leading Researcher at the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, 32 Nakhimovsky Ave., 117997 Moscow, 117 997 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 30.09.2021.

Поступила после рецензирования / Revised 30.10.2021.

Принята к публикации / Accepted 15.02.2022.